

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Дворъ и интимная жизнь Юанна.

I. Дворъ.—II. Александровская слобода.—III. Домашняя жизнь Ивана.—IV Семья царя.

I.

Д в о р ь .

Первымъ впечатлѣніемъ Ченслера при его приѣздѣ въ Москву была смѣсь восхищеннаго изумленія и разочарованія. Городъ показался ему больше Лондона съ его предметъями; но напрасно онъ ищетъ въ немъ той пышности, о которой ему толковали въ Холмогорахъ. Самый Кремль поражаетъ его развѣ только отсутствіемъ того, что онъ ожидалъ въ немъ найти. Его вводятъ въ зданіе, которое величаютъ «золотыми палатами», а это просто чуть ли не лачуга!...

Знаменитое сооруженіе уже тогда представляло собою нагроможденіе подробностей, составляющихъ громадное цѣлое, которое до сихъ поръ еще носить такой своеобразный отпечатокъ. Со своими низкими сводами, опирающимися на одну колонну, главная дворцовая палата казалась очень неподходящей для тѣхъ пышныхъ церемоній, которыя въ ней должны были совершаться. Впрочемъ, пословъ и знатныхъ путешественниковъ принимали, обыкновенно, въ другомъ зданіи — еще болѣе скромныхъ размѣровъ. Какъ тамъ, такъ и здѣсь мебелировка была бѣдная и простая: скамьи и табуреты простого бѣлаго дерева, и ни слѣда комфорта; бросались въ глаза только роскошь ковровъ, да, если вѣрить Мацкевичу (записки котораго относятся къ 1594 г.), большая печь, которая согрѣвала палату и нѣсколько сосѣднихъ горницъ.

Въ XVI в., какъ и теперь, Кремль представляетъ собою маленькій городокъ церквей. Тутъ и Благовѣщенскій соборъ, самый близкій

къ дворцу, гдѣ царь ежедневно присутствуетъ на богослуженіяхъ; и Успенскій соборъ, гдѣ служитъ Митрополитъ, коронуются государи, и гдѣ они слушаютъ обѣдню по большимъ праздникамъ; и соборъ св. Михаила Архангела, гдѣ находятся гробницы царствующаго дома, и гдѣ тогда, какъ и теперь, восковыя свѣчи роняютъ расплывающіяся капли на черныя покровы деревянныхъ гробовъ; и церковь св. Іоанна, съ высокою колокольною, обремененною множествомъ тяжелыхъ колоколовъ; ихъ не раскачиваютъ во время звона, такъ какъ отъ этого обрушилось бы все зданіе, а приводятъ въ движеніе языки колоколовъ. До двухъ десятковъ церквей, помѣщенныхъ на сравнительно небольшомъ пространствѣ, прижалось другъ къ другу, а рядомъ съ ними тѣснятся монастыри, дома придворныхъ, лавки и мастерскія.

Но первое впечатлѣніе Ченслера должно было измѣниться, когда онъ предсталъ передъ царемъ и увидѣлъ его дворъ. Хотя онъ и видывалъ царс венную пышность Валуа и Тюдоровъ, тѣмъ не менѣе, теперь онъ былъ пораженъ и очарованъ. Прежде всего, самъ государь... Да развѣ это такой же государь, какъ другіе, — этотъ человѣкъ, возсѣдающій на знаменитомъ престолѣ, поддерживаемомъ четырьмя фантастическими звѣрями Апокалипсиса? Когда, двадцать лѣтъ спустя, Поссевинъ увидитъ здѣсь царя въ длинномъ далматикѣ, съ тиарой на головѣ и съ посохомъ въ рукахъ, онъ сочтетъ себя предъ лицомъ другого папы, царя-первосвященника, гех сасогим. Образъ Богородицы надъ трономъ, справа — образъ Спасителя, изображенія библейскихъ сценъ на стѣнахъ создавали вокругъ царя религіозное убранство, придавали дворцу видъ храма. Правда, по бокамъ стояли молодые рынды съ топориками на плечахъ; но развѣ у римскаго первосвященника не было своихъ носителей аллебардъ? Но что еще болѣе поразило наблюдателя — это видъ присутствующихъ, какъ бы застывшихъ въ оцѣпенѣніи. Нѣсколько позднѣе Маржеретъ и Флетчеръ также были этимъ поражены: при появленіи царя, въ неподвижной толпѣ всевозможныхъ должностныхъ лицъ, въ тѣсныхъ рядахъ стражи, одѣтой въ бѣлыя бархатныя или атласныя платья, въ высокихъ бѣлыхъ шапкахъ, — не то воиновъ, не то священниковъ, съ золотомъ цѣпью, скрещенной на груди, и со сверкающими топорами, какъ бы занесенными для удара, — наступало гробовое молчаніе. Закрывши глаза, можно было подумать, что дворецъ совершенно пустъ.

Если жилище государя, казалось, не было его достойно,—его дворъ пышностью и численностью превосходилъ все, что иностранцы могли видѣть въ другихъ земляхъ: множество придворныхъ, залитыхъ золотомъ и драгоценными каменьями, толпилось въ узкомъ святилищѣ, заливало сѣни, наполняло пространство кругомъ дворца.

Посмотримъ, изъ кого состоялъ этотъ пышный дворъ.

Въ русскомъ языкѣ XVI в. слово *дворъ* имѣетъ двоякое значеніе: во-первыхъ, оно примѣняется для обозначенія самаго жилища государя; во-вторыхъ, оно относится и къ службамъ, которыя сосредоточились около дворца и одинаково вѣдаютъ какъ нужды государя, такъ и потребности всей страны. Государь занимаетъ *верхъ* дворца; остальная часть зданія и его флигеля заняты должностными лицами; дѣлясь на разные *«приказы»*, они вѣдаютъ содержаніе двора и управленіе страной. Въ слѣдующемъ вѣкѣ Котошихинъ насчитываетъ до сорока этихъ приказовъ, раздѣленныхъ на *палаты*, какъ бы на отдѣльныя министерства: разрядный приказъ, ямской приказъ, дворцовый приказъ... Послѣдній соответствовалъ, приблизительно, теперешнему министерству двора. Но содержаніе двора вѣдалось еще множествомъ специальныхъ учреждений: житейный дворъ, кормовой дворъ, хлѣбный дворъ; были дворы, вѣдавшіе погреба, гардеробъ, конюшни. Учрежденіе, имѣвшее на своемъ попеченіи гардеробъ, обязано было заботиться не только о государѣ, а, въ извѣстныхъ случаяхъ, одѣвать весь дворцовый персоналъ, должностныхъ и сановны ъ лицъ. Оно имѣло свою особую мастерскую палату и огромные склады; какъ видно, служба въ немъ не являлась синекурою.

Придворныя должности были весьма многочисленны; нѣкоторыя были давняго происхожденія, другія — учреждены въ позднѣйшее время. Уже Несторъ упоминаетъ о *стольникахъ*, на обязанности которыхъ лежало подавать кушанья; послѣднія раздавались *кравчими* и *скольничьими* государю и его гостямъ на торж ственныхъ пирахъ. Но также съ давнихъ поръ стольникамъ поручались и другія дѣла: ихъ посылали за границу, они управляли областями... Количество этихъ должностныхъ лицъ доходило до пятисотъ. На второмъ мѣстѣ стояли *спальники* и *постельники*, ко орые одѣвали и раздѣвали государя и смотрѣли за его постелью. Спальникъ входилъ въ составъ ближняго совѣта, а постельникъ хранилъ государственную печать для секретныхъ дѣлъ. И тотъ, и другой спали въ царской опочивальнѣ.

Окольникы («*qui circa principem versabantur*», какъ говоритъ Дю-Канжъ) появляются впервые въ 1356 г. Они обличены также чрезвычайно разнообразными обязанностями, но, по большей части, судебного характера. Для веденія текущихъ дѣлъ у государя были еще *стряпчие*; они во время церемоній несли передъ нимъ скипетръ, держали его верхнее платье, смотрѣли за оружіемъ; это были болѣе мелкія должностныя лица, но еще не послѣднія въ официальной іерархіи; ниже стояли *дьяки* и *подьячіе*, писцы, люди ученые, т. е. умѣвшіе читать и писать. Первоначально обязанность ихъ была гдѣ въ церкви, откуда и произошло ихъ имя (дьякъ, діаконъ). Позже ихъ стали брать писцами въ приказы, а въ XVI в. дьяки уже занимали, приблизительно, должность теперешнихъ референдаріевъ. Нѣкоторые изъ нихъ сидѣли въ Думѣ и звались тогда *думными дьяками*. Подьячіе служили имъ помощниками. На самомъ низу іерархической лѣстницы стояли *дворецкіе* или *дворники*. Въ иныхъ мѣстахъ, какъ, напр., въ Польшѣ, они пользовались большимъ значеніемъ. То были сначала какъ-бы маршалы двора, а съ XVI в. ихъ обязанности стали носить финансовый характеръ,—они хранили государеву казну. Они близки къ западнымъ *sigales*, прошедшимъ черезъ такія же превращенія.

При дворѣ царицы состояли только женщины, за исключеніемъ нѣсколькихъ пажей не старше десяти лѣтъ, которые потомъ переходили къ двору царя. Первое мѣсто здѣсь принадлежало *боярыньѣ*, которая берегла казну и смотрѣла за постелью. На второмъ мѣстѣ стояла *кравчиня*, наблюдавшая за всѣмъ персоналомъ; она управляла цѣлымъ маленькимъ народомъ *мастерницъ*, приказывала *постельницамъ* и раздѣляла съ ними честь спать поочереды въ царицной опочивальнѣ и сопровождать ее во время ея рѣдкихъ выѣздовъ. Тогда постельницы превращались въ амазонокъ и верхомъ на лошадахъ окружали колымагу царицы.

Самою большою и свѣтлою комнатою въ отведенной для государыни части дворца была рабочая комната, къ которой примыкали *свѣтлицы*; въ нихъ помѣщалось до полусотни женщинъ — бѣлошвей, шившихъ бѣлье, и золотошвей, вышивавшихъ золотомъ, серебромъ и шелками. Это было нѣчто вродѣ художественной школы, равно какъ и помѣщавшаяся въ другомъ дворцовомъ флигелѣ *иконописная* палата, которая служила въ одно время мастерскою иконъ и академіей художествъ. Впрочемъ, и въ свѣтлицахъ вышивались иконы съ такимъ искусствомъ, которое и теперь вызываетъ изумленіе археологовъ.

Какъ мы уже сказали, Иванъ былъ очень богатымъ государемъ очень бѣдной страны. Когда Флетчеръ увидалъ сокровища Грознаго, онъ подумалъ, что грезить: жемчуга, изумруды, рубины лежали цѣлыми кучами, рядомъ съ грудями золотой посуды, цѣлыми сотнями золотыхъ съ камнями чашъ и съ драгоценностями всѣхъ родовъ. Эти богатства, возраставшія съ каждымъ царствованіемъ, хранились, по большей части, взаперти. Ихъ извлекали только въ очень рѣдкихъ случаяхъ, — главнымъ образомъ, чтобы ослѣпить чужеземцевъ. При отъѣздѣ посольства, отправляемаго къ польскому королю, Ченслеръ видѣлъ пятьсотъ всадниковъ, одѣтыхъ съ неслышанной роскошью: одежды изъ золотой или серебряной парчи, бархатныя сѣдла, расшитыя жемчугомъ. Все это великолѣпіе было взято изъ великокняжеской казны. Передъ послами Максимилиана II бояре почетнаго караула раздѣвались, чтобы блеснуть роскошью своего исподняго платья; но и исподнее, и верхнее, все что на нихъ было, принадлежало государю и послѣ парада должно было вернуться на прежнее мѣсто, «безъ пятенъ и дыръ» подъ угрозой взысканія.

Но въ этой роскоши были удивительныя прорѣхи. Сидя за царскимъ столомъ, Дженкинсонъ ѣлъ съ золотыхъ блюдь и оцѣнилъ въ 400 ф. стерлинговъ двѣ чары, которыя ходили по рукамъ пирующихъ. При такихъ же обстоятельствахъ Флетчеръ насчиталъ 300 служащихъ за столомъ, одѣтыхъ въ золотую и серебряную парчу. Государь кушалъ одинъ за столомъ литого золота. Сразу было принесено сто золотыхъ, серебряныхъ и позолоченныхъ блюдь. Но.. передъ пирующими не было ни тарелокъ, ни приборовъ. Нечего и говорить о салфеткахъ. Русскіе носили, обыкновенно, у пояса ложку и ножъ, а маленькіе пирожки, круглыя и плоскіе, замѣняли прочія приспособленія. Въ 1576 г. императорскіе послы обратили вниманіе на то, что, передъ устроеннымъ для нихъ широмъ, около двухсотъ гостей, прежде чѣмъ сѣсть за столъ, отправились въ царскій гардеробъ за парчевыми золотыми кафтанами. Когда они сѣли за столъ, эти одежды были замѣнены бѣлыми съ горностаевой опушкой.

Для исторіи страны, ея идей и нравовъ эти черты имѣютъ серьезное значеніе: вотъ какимъ образомъ внушалось этому народу представленіе, что онъ — ничто, и что у него ничего нѣтъ. Все — въ государѣ, и все ему принадлежить. Этому способствовалъ также обычный церемоніаль пировъ. Широко перекрестившись, царь бралъ кусокъ мяса, нарѣзаннаго кравчимъ, давалъ куски высокопоставленнымъ лицамъ

и смотрѣлъ, какъ подавали кушанья другимъ гостямъ. Разносящіе блюда говорили каждому: «царь тебѣ это посылаетъ», и каждый поднимался и благодарилъ. Та же процедура повторялась и съ напитками, которые, большею частью, нравились иностранцамъ; что же касается до приправъ изъ шафрана, подливокъ изъ кислаго молока и огурцовъ въ укусѣ, употреблявшихся при большинствѣ блюдъ, то они казались имъ невкусными. Равно и необходимость сидѣть за столомъ пять или шесть часовъ, испивая изъ всѣхъ посылаемыхъ имъ чаръ, удручала и самыхъ выносливыхъ. Кромѣ того, было принято, чтобы послѣ пира государь посылалъ почетнымъ гостямъ еще кушанья и напитки, которыми они должны были немедленно дѣлиться съ царскими посланными. Такъ, одинъ императорскій осол получилъ заразъ: семь чаръ романи, сто ъко-же рейнскаго, мускатнаго вина, бѣлаго французскаго, канарскаго, аликанте и мальвазіи; двѣнадцать стопъ меду наилучшаго качества; семь кружекъ меду второго сорта; восемь блюдъ жареныхъ лебедей; столько-же журавлей съ пряностями; нѣсколько блюдъ съ пѣтухами съ инбиремъ, нѣсколько куръ безъ костей, глухарей съ шафраномъ, рябчиковъ въ сметанѣ, утокъ съ огурцами, гусей съ рисомъ, зайцевъ съ лапшой и рѣпою, лосиныхъ мозговъ; множество пироговъ сладкихъ и съ мясомъ, желе, кремы, засахаренные орѣхи! Все это было послано человѣку, который только что вышелъ изъ-за стола.

Вотъ настоящее царство Гаргантюа!

При дворѣ, какъ и у частныхъ лицъ, пиры съ ихъ ужаснымъ обжорствомъ и неумѣреннымъ питьемъ являлись необходимымъ условіемъ всякаго празднества и любимымъ развлеченіемъ. Но, несмотря на изрекаемыя Церковью проклятія, существовали и другія свѣтскія удовольствія. Было даже специальное вѣдомство по этой части: *потѣшная палата*. При царскомъ дворѣ играли въ шахматы, въ шашки и въ карты. Много охотились: охотились и съ гончими, и съ борзыми, была въ ходу соколиная охота и кречетовая. Ходили на медвѣдя, и въ первую половину своей жизни Ивашъ предавался этой забавѣ со страстью. Позднѣе его поглотили государственныя заботы, и это отразилось на состояніи его охотничьяго двора. Когда, послѣ Ямъ-Залопольскаго перемирья, Баторій выразилъ желаніе имѣть красныхъ кречетовъ, и обратился съ этою просьбой къ царю, Грозный отвѣтилъ, что ихъ больше нѣтъ въ его охотѣ: уже давно онъ не охотится, удрученный горестями. Тогда Баторій спросилъ, не можетъ ли

онъ со своей стороны послать царю что-либо пріятное. Вотъ какой получился отвѣтъ: «добрыхъ коней, шлемовъ желѣзныхъ, мушкетовъ мѣткихъ и легкихъ».

Побѣжденный подъ Полоцкомъ и Великими Луками просилъ у своихъ побѣдителей только оружія.

Все-таки, еще и въ это время онъ держалъ при себѣ кое-какихъ дураковъ и шутовъ, которые до половины XVIII вѣка непременно входили въ составъ русскаго двора. Шутки этихъ официальныхъ забавниковъ, болѣе или менѣе остроумныя, были, большею частью, непристойны. Убожество умственнаго развитія способствовало грубой развращенности воображенія, да и чрезмѣрное моральное давленіе, производимое на умы аскетическимъ ученіемъ, порождало, какъ естественную реакцію, самый крайній цинизмъ. Съ другой стороны, своими смѣлыми рѣчами, которыми онъ могъ пользоваться въ извѣстныхъ границахъ, шутъ удовлетворялъ необходимости въ критикѣ и сатирѣ, свойственной всякому обществу; за неимѣніемъ литературы, въ которой она могла бы вылиться, сатира находила себѣ исходъ такимъ образомъ. Издѣваясь надъ совѣтами Домостроя и надъ правилами восточнаго этикета, шутъ разрѣжалъ тяжелую атмосферу монастыря и тюрьмы, въ которой коснѣла русская жизнь; онъ пріоткрывалъ двери, разбивалъ въ окнахъ стекла и впускалъ немного свѣжаго воздуха въ душныя горницы. Въ каждомъ, сколько-нибудь значительномъ домѣ были тогда одинъ или нѣсколько такихъ приживальщиковъ. У Ивана ихъ были десятки, и нерѣдко они своею жизнью платили за честь быть съ царемъ за панибрата. Одно изъ нихъ звали Гвоздевъ; онъ былъ княжескаго рода, какъ и будущій дуракъ императрицы Анны, и занималъ при дворѣ значительную должность, такъ какъ совмѣщеніе службъ было дѣломъ обычнымъ. Однажды, ради шутки, Иванъ вылилъ ему на голову миску горячихъ щей. Когда несчастный началъ кричать, Иванъ, бывшій въ нетрезвомъ видѣ, ударилъ его кинжаломъ, и шутъ упалъ, обливаясь кровью. Позвали лѣкаря.

— Вылѣчи моего вѣрнаго слугу,—сказалъ ему отрезвившійся Иванъ,—я съ нимъ неловко поигралъ.

— Такъ неловко,—отвѣчалъ лѣкарь,—что теперь уже ни Богъ, ни Ваше Величество не заставите его впередъ играть на бѣломъ свѣтѣ».

Гвоздевъ умеръ.

Какъ въ послѣдствіи Петръ Великій, Иванъ отводилъ этимъ шутамъ мѣсто и роль даже въ парадныхъ церемоніяхъ; поэтому религіозное настроеніе, овладѣвшее въ этихъ торжественныхъ случаяхъ присутствующими и передававшееся иностраннымъ свидѣтелямъ, часто уступало мѣсто другимъ впечатлѣніямъ. Согласно своему характеру, Грозный не всегда сохранялъ на тронѣ пастырскую позу, въ которой онъ являлся сначала восхищеннымъ взорамъ зрителей. Однажды онъ снялъ шапку съ польскаго посла, надѣлъ ее на шута и приказалъ ему кланяться по польски; а когда тотъ сказалъ, что не умѣетъ, самъ передразнилъ этотъ жестъ, хохоча во все горло и побуждая присутствующихъ издѣваться надъ иностранцемъ. Порою, подобно Наполеону, онъ поражалъ какого-нибудь посла видомъ своего гнѣва, потокомъ брани и угрозъ. И тогда ужасъ проносился надъ склоненною толпою придворныхъ, подъ низкими сводами Кремля.

Но эти разнообразныя сцены придворной жизни, порожденныя характеромъ и нравами государя, развертывались, главнымъ образомъ, въ Александровской слободѣ. Онѣ являются однимъ изъ самыхъ необыкновенныхъ зрѣлищъ, завѣщанныхъ исторіей на удивленіе потомству.
